

АЕН. I, 94 — ПАРАЛЛЕЛИ И РЕМИНИСЦЕНЦИИ

Первая книга «Энеиды» содержит знаменитое описание бури, в которую попадает Эней, почти достигнув берегов Италии. Герой видит надвигающуюся стихию, его тело пронизывает холод, он воздевает к небу руки и восклицает (Aen. I, 94–96):

Talia voce refert: «O terque quaterque beati,
Quis ante ora patrum Troiae sub moenibus altis
Contigit oppetere!»

‘Трижды и четырежды счастливы те, кому выпало умереть под высокими стенами Трои на глазах у отцов’

Эней противопоставляет возможной бесславной гибели в морской пучине достойную смерть в бою вблизи родного города. Еще Макробий сопоставлял (Sat. IV, 6, 3) это место с другим — также в «Энеиде», — где Адромаха завидует судьбе Поликсены, принесенной в жертву на могиле Ахилла перед стенами Трои, и называет дочь Приама счастливой (*felix* — Aen. III, 323).

В интересующем нас стихе 94 «Энеиды» встречается сразу несколько клише, которые мы попытаемся рассмотреть более пристально.

На гомеровский прототип этого места указывает уже Сервий в комментариях к поэме (Serv. Aen. ad loc.):

Τρίς μάκαρες Δαναοὶ καὶ τετράκις, οἱ τότε ὄλοντο
Τροίην ἐν εὐρείῃ, χάριν Ἀτρεΐδῃσι φέροντες. (Od. V, 306–307)

‘Трижды и четырежды счастливы данайцы, погибшие тогда в обширной Трое в угоду Атридам’

Перед нами два образца традиционной формулы восхваления счастливого человека — так называемого μακαρισμός (хотя и использованного в несколько необычной ситуации, поскольку удача в этом случае заключается в своевременной смерти). Для введения клише «счастлив тот, кто» использовались прилагательные μάκαρ, □ μακάριος, ὄλβιος, εὐδαίμων или *felix*, *beatus*, *fortunatus*. Возникнове-

ние мотива связано с эпической традицией¹, однако его употребление ею не ограничивается² и проникает практически во все жанры греческой и римской литературы, включая комедию. Так, у Аристофана имеются примеры как серьезного μακαρισμός³, так и его трагедийной противоположности в комедии «Плутос», где сикофант проклинает свою судьбу:

Οἴμοι κακοδαίμων, ὡς ἀπόλωλα δέιλαιος,
καὶ τρισκακοδαίμων καὶ τετράκις καὶ πεντάκις
καὶ δωδεκάκις καὶ μυριάκις ἰοὺ ἰοῦ. (Plut. 850–852)

‘Увы мне несчастному! Как бесславно я погиб — трижды, четырежды, пятьюкратно, двенадцатикратно и десять тысяч раз злосчастный! Горе, горе!’

У Вергилия, как и у его источника Гомера, наречия со значением ‘трижды’ и ‘четырежды’ выступают, во-первых, заместителем превосходной степени прилагательного⁴, а во-вторых, обозначают многократное число повторений. В латыни идею частотности и множественности могут выражать как отдельное *ter*⁵ и *quater*⁶, так и сочетание *bis* с *ter*⁷. Посмотрим теперь, как могут соединяться в поэтических и прозаических текстах наречия *ter* и *quater*. Прежде всего возможно бессоюзное сочленение⁸, соединение при помощи

---

¹ *Tibullus: A Commentary on the First Book of the Elegies of Albius Tibullus* / ed. by P. Murgatroyd. University of Natal Press, 1980. P. 295. Об упомянутом месте «Одиссеи» см. также: *Gladigow B. Zum Makarismos des Weisen // Hermes*. 1967. Bd 95, No 4. S. 406–407.

² Впечатляющий подбор примеров приведен Ф. Наварро в: *Lygdamus: Corpus Tibullianum III, 1–6: Lygdami elegiarum liber* / ed. and comm. by F. Navarro Antolín; transl. by J. J. Zoltowski. Leiden; New York; Köln, 1996. P. 235 (Mnemosyne Bibliotheca Classica Batava. Supplementum 154).

³ Ὡ τρισμάκαρ, ὡς δικαίως τὰγαθὰ νῦν ἔχεις (Pax 1333–1334) — слова заключительного хора, обращенные к Тригею.

⁴ См.: *Lexicon Totius Latinitatis* / ed. E. Forcellini. Patavii, 1771. S. v. *ter*; *Q. Horati Flacci Carmina. Liber Epodon* / with introd. and notes ed. by J. Gow. Cambridge, 1914. P. 175.

⁵ *Aen.* III, 421; *Hor. Carm.* III, 3, 65; I, 13, 17 (*ter et amplius*); *Mart.* IV, 81 (*bisque terque*); *Plaut. Pers.* 153 etc.

⁶ Например, «*Quater ille beatus / Quo tenera irato flere puella potest*» (*Tib.* I, 10, 62–63).

⁷ *Cic. Q. fr.* III, 8.

⁸ Несколько примеров такого рода встречается у Овидия (*Met.* IV, 734; VI, 133; XII, 133; XIV, 206; *Fast.* I, 576, 657; *Pont.* IV, 9, 34). См. также: *Mart.* X, 56, 2; *Stat. Theb.* VII, 594; IX, 484 etc.

союзов *et*⁹ или *aut*¹⁰, постпозитивных частиц *ve*¹¹ и *-que*¹². Из всех упомянутых способов самый распространенный — соединение этих слов при помощи двойного *-que*. Именно такой способ предпочитает поэзия, и полностью избегает классическая проза¹³, поскольку это означало бы вторжение элементов иных литературных жанров¹⁴.

Итак, перед нами выражение почти поговорочного толка, бытовавшее и в греческой, и в латинской традиции. Что же нового внес в него Вергилий? Насколько мы можем судить, именно он первым соединил наречия *ter* и *quater* при помощи двойного *-que*. Из этих двух частиц только вторая по-настоящему соединительная, в то время как первая избыточна и не нуждается в переводе. В этом случае перед нами эпическое клише, восходящее опять-таки к гомеровскому употреблению *τε...τε*. Эту черту эпического стиля на латинскую почву перенес Энний, и он же опережает других по количеству употреблений двойного *-que*¹⁵. Вергилий в этом списке занимает третье место (вместе со Стацием) — неожиданно после Марциала, который, как известно, не сочинял эпос¹⁶.

Для нас важно, что именно вергилиевское *terque quaterque* завоевало популярность у поэтов следующих столетий. Метрическое удобство этого варианта неоспоримо, поскольку он может исполь-

---

⁹ Одиночное *et* (Hor. Carm. I, 31, 13) и двойное (Ter. Maur. Litt. Syll. Metr. 1819).

¹⁰ Verg. Georg. I, 410–411; Cels. IV, 10, 3, 3; 14, 4, 6; 19, 3, 6 (у него, правда, имеется в виду буквальное значение числительных, так как автор говорит о количестве приемов лекарства).

¹¹ Частица встречается и в одиночном (Scrib. Larg. Comp. 76, 2), и двойном варианте (Mart. X, 11, 6).

¹² Примеры на одиночное *-que*: Stat. Theb. IX, 881; Priap. 44, 3.

¹³ В поздней прозе имеется только один пример у Исидора (Etym. XVII, 7, 17). Сидоний Аполлинарий (Epist. I, 4, 1) и Макробий (Sat. IV, 6, 3 и Comm. in Somn. Scip. I, 6, 44) цитируют Вергилия — эти примеры будут рассмотрены далее.

¹⁴ Hagendahl H. Methods of Citation in Post-Classical Latin Prose // Eranos. 1947. Vol. 45. P. 123.

¹⁵ См. статистику в: Christensen H. Que-que bei den römischen Hexametrikern: Bis etwa 500n. Chr. // Archiv für Lateinische Lexicographie und Grammatik mit Einschluss des älteren Mittellateins als Ergänzung zu dem ThLL / Hrsg. von E. v. Wölfflin u. O. Hey. 1908. Bd 15. S. 211.

¹⁶ Ibid. Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что в послеклассическую эпоху двойное *-que* утрачивает свою связь с определенным родом литературы.

зоваться и в начале, и в середине и в конце гекзаметра¹⁷, а также в гендекасиллабе (Mart. I, 52, 8; VI, 66, 7) или после срединной цезуры пентаметра (Ov. Am. III, 1, 32; Mart. I, 103, 6; VI, 93, 10). Сам Вергилий использует это выражение четыре раза — единожды в «Георгиках» (<...> namque omne quotannis / terque quaterque solum scindendum <...> — II, 399) и трижды в «Энеиде» (приведенное I, 94; и почти дословно совпадающие «terque quaterque manu pectus percussa decorum» (IV, 589) и «terque quaterque manu pectus percussit honestum» (XII, 155)).

Чем же отличается случай Aen. I, 94? Сочетание *terque quaterque* расположено таким образом, что в стихе появляется вторичная трохаическая цезура на четвертой стопе (после пятиполовинной цезуры в следующей — четвертой — стопе стоит дактиль, где после первого краткого слога имеется цезура). В результате, словесное ударение во второй половине гекзаметра совпадает со стихотворным. Для поэзии Вергилия такая цезура — относительно редкое явление¹⁸, которое Э. Норден рассматривает в качестве наследия традиции Энния¹⁹. Думается, что выбранная метрическая позиция не случайная, тем более что перед словами «*O terque quaterque beati*» стоит, по сути, еще одно клише — «*talia voce refert*»²⁰, которое могло быть с легкостью употреблено для заполнения вакантного места. О возможности использования рассматриваемой цезуры для создания атмосферы печали и скорби писал Д. Б. Конте²¹ в связи с первой строкой стихотворения Катутла на смерть брата (Cat. 101, 1)²². Хотя смысловую нагрузку цезуры не стоит абсолютизировать²³, в нашем случае такая коннотация вполне подходяща.

¹⁷ Начало стиха: Ov. Met. XII, 288; Stat. Silv. IV, 1, 37; середина: Ov. Met. IX, 217; конец: Luc. V, 497, Sil. It. IX, 159.

¹⁸ Ср., напр.: Aen. I, 749; VI, 522; 702 etc. Около трети примеров названной цезуры приходится на использование *-que*; см.: Norden E. Geschichte der römischen Literatur: 7 Aufl. Stuttgart, 1981. S. 428.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Эти слова повторяются в поэме еще раз (I, 208). Сравни также у Валерия Флакка: «*talia voce gemit*» (Arg. V, 37) и «*talia voce canens*» (Arg. II, 274).

²¹ Conte G. B. The Rhetoric of Imitation: Genre and Poetic Memory in Virgil and Other Latin Poets / ed. by Ch. Segal; transl. from the Italian by Ch. Segal. Ithaca; London, 1986. P. 33.

²² *Multas per gentes et multa per aequora uectus <...>*

²³ Так, строка с аналогичной цезурой «*tum terque quaterque beatus*» у Авзония (Prec. I, 51) из сочинения, написанного в канун его консульской инаугурации 479 г., создает прямо противоположное настроение.

Постановка *terque quaterque* в начале стиха затруднена тем, что поэт стремился использовать формулу $\mu\alpha\kappa\alpha\rho\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, т. е. объединить наречия с прилагательным со значением ‘счастливым’. Однако очевидно, что при такой метрической организации ни *beatus*, ни *felix*, ни тем более *fortunatus* далее следовать не могут. Гипотетически можно предположить расположение слов ‘*terque quaterque*’ в конце стиха — именно так и поступает большинство поэтов позднейшего времени. Для этого Вергилию нужно было бы написать, например, «*felices terque quaterque*». Однако именно *beatus* ближе к греческому $\mu\alpha\kappa\alpha\rho$, чем *felix*. Трудно сказать, что руководило поэтом в большей степени — желание более точно передать Гомера или использовать архаическую цезуру²⁴, но в итоге получилось и то и другое.

Рассмотрим теперь некоторые примеры цитат и аллюзий на стих 94 первой книги «Энеиды». Сенека, охотно и много цитирующий Вергилия, обращается к нашему примеру два раза. 67-е письмо к Луциллию трактует вопрос о том, всякое ли благо желательно. Сенека отвечает на недоуменный вопрос своего корреспондента относительно того, следует ли желать пыток и мучений, хотя бы они и считались благом. Философ утверждает, что должно желать не несчастий, а мужества для их перенесения. Следовательно, если человек желает для себя честной жизни, то он естественным образом желает и всего, что может быть с этой жизнью сопряжено. В этом месте мы и встречаем цитату из «Энеиды»:

«*Ita cum optavi mihi vitam honestam, et haec optavi sine quibus interdum honesta non potest esse. “O terque quaterque beati, / Quis ante ora patrum Troiae sub moenibus altis / Contigit oppetere!” Quid interest, optes hoc alicui an optabile fuisse fatearis?»* (Epist. 67, 7–8)

Итак, когда я пожелал себе честной жизни, я пожелал и того, без чего она не может быть достойной... Какая разница, желаешь ли ты этого хоть кому-нибудь или признаешь, что это было желательно?

И до цитаты из Вергилия и после приводятся примеры людей, не желавших уклоняться от страданий и отважно встретивших их, — Сократа, Регула, Катона, Деция и др. Для Сенеки в этом случае неважен контекст слов Энея — отчаяние перед лицом бури. Он

---

²⁴ Э. Норден рассматривает ее в качестве наследия традиции Энния (*Norden E. Geschichte der römischen Literatur*. S. 428).

приводит текст как пример пожелания себе смерти — если и не буквальное, то представленное как сожаление о чем-то не случившемся в прошлом²⁵.

В другом месте Сенека вновь прибегает к этому месту «Энеиды», однако на этот раз мы имеем дело не с цитированием, а аллюзией на текст предшественника. В трагедии «Федра» главная героиня только что призналась в любви к пасынку. Услышавший это признание Ипполит раздражается гневной тирадой в адрес всех женщин (687), говорит о том, что Федра порочнее собственной матери (688–693) и далее восклицает:

O ter quaterque prospero fato dati
Quos hausit et peremit et leto dedit
Odium dolusque: «Genitor, inuideo tibi:
Colchide nouerca maius hoc, maius malum est (694–697)

‘О обреченные на трижды и четырежды более счастливую судьбу, кого извела, уничтожила и обрекла на гибель ненависть и хитрость. Завидую тебе, отец: эта мачеха — большее зло, чем колхидянка’

Под *колхидянкой* подразумевается, конечно, Медея, которая, став женой Тесея, пыталась отравить Ипполита, чтобы трон унаследовал ее сын Мед.

Ямбический характер подлинника исключает возможность точной цитаты, однако Сенека, как нам представляется, не ставит перед собой задачи быть максимально близким к оригиналу, но, скорее, стремится развить мысль Вергилия, причем путем усложнения. Так, если Эней сожалел о не случившейся своевременно смерти в бою, то Ипполит, которому смерть пока формально не угрожает, готов предпочесть погибель от коварных рук жизни перед лицом преступной любви.

Силий Италик в своей поэме о второй Пунической войне также обращается к интересующему нас стиху «Энеиды». Уроженец Сульмона Сатрик попадает в плен к карфагенянам и проводит там много лет. Во время битвы между римлянами и пунийцами его сын Солим,

---

²⁵ Между тем есть не менее яркие примеры пожелания собственной смерти — например, у Цицерона в письме к брату: «Atque utinam me mortuum prius vidisses aut audisses, utinam te non solum vitae sed etiam dignitatis meae superstitem reliquissem!» (I, 3, 1–2).

не узнав отца, смертельно ранит его как врага. Слишком поздно осознав ошибку, он произносит пространную речь, вращающуюся вокруг единственной риторической посылки «найти, чтобы потерять»²⁶. В этом же контексте он, вторя мысли вергилиевского Энея, полагает более счастливой участь своего брата, который не дожид до встречи с отцом:

... Felix o terque quaterque
frater, cui fatis genitorem agnoscere ademptum. (IX, 159–160)

‘О трижды и четырежды более счастливый брат, которому судьбой не было дано узнать родителя’

Как мы видим, Силий приводит часть текста своего предшественника без изменения (o terque quaterque). С технической точки зрения, ему, казалось бы, ничто не препятствовало сохранить источник практически полностью, и тогда строка имела бы приблизительно следующий вид: ... impia restituit? o terque quaterque [beatus]. Однако перед нами характерный для античности пример подражания, которое включает в себя и элемент aemulatio (соперничества).

Сидоний Аполлинарий переосмысливает вергилиевскую цитату и трансформирует ее в настоящий *μοχαιρισμός*. В письме 467 г. к другу Гауденцию он передает поздравления по поводу действительно счастливого события в жизни адресата — получения должности викария: «O terque quaterque beatum te, de cuius culmine datur amicis laetitia, lividis poena ...» (Epist. I, 4, 1) ‘О трижды и четырежды блажен ты, благодаря возвышению которого друзья обретают радость, а завистники — наказание <...>’ На примере письма Сидония можно отметить одну характерную особенность античного цитирования, когда поэтический текст тем или иным способом приспособляется к прозаическому ритму²⁷. В этом случае автор прибегает к использованию *Accusativus exclamationis*, сохраняя при этом отчетливо поэтически окрашенное «o terque quaterque».

Еще дальше в адаптации нашей цитаты к прозаическому рисунку продвинулся Эннодий, живший на рубеже 5–6 вв. В панегирике царю остготов Теодориху Великому (507 г.) он прославляет побе-

²⁶ Spalstein F. *Commentaire des Punica de Silius Italicus: Livres 9 à 17* // Université de Lausanne publications de la faculté des lettres. T. XXVIII. Genève, 1990. Ad IX, 156.

²⁷ Hagendahl H. *Methods...* P. 124.

ду последнего над племенами гепидов и болгар на пути в Италии, преувеличенно говоря о силах и военном мастерстве противника. И от, когда победа над ними, никогда не знавшими поражений и не сомневавшимися в своем превосходстве, была, наконец, одержана, они бежали «terque et quater beatos esse clamitantes quos oppetere contigisset» (Paneg. XII). Текст Вергилия, с одной стороны, узнаваем, поскольку мы видим слова, повторяющие оригинал, с другой, из цитаты максимально изъят поэтический ритм (например, двойное -que, а вся фраза превращена в Accusativus cum infinitivo).

Два примера обнаруживаются в трудах Макробия, жившего в первой половине пятого века. Перед нами яркий образец того, как писатель может использовать один и тот же текст в различных целях. В первом случае мы имеем краткую цитату «O terque quaterque beati» в комментарии ко «Сну Сципиона» (I, 6, 44). Слова Вергилия, который выше упоминается как автор, цитируются в контексте значимости числа 7, придаваемой ему пифагорейцами: семерка получается путем простого сложения трех и четырех. В сочинении Псевдо-Ямвлиха, который считается²⁸ источником Макробия, также идет речь о преимуществах этого числа²⁹ и в подтверждение приводится цитата, но, конечно, из Гомера (Od. V, 306). Хотя сам Макробий знал греческий и в «Сатурналиях» использовал гомеровские цитаты³⁰, на «Комментарий» эта практика им распространена не была. Возможная причина заключается, вероятно, в том, что это произведение посвящено сыну Макробия, который мог не знать греческого. В текст «Комментария» греческий инкорпорируется в виде терминов (I, 6, 42; 43; 44 etc.), а если приводятся более пространные цитаты, то они обязательно переводятся на латынь. В случае с «O terque quaterque beati» Макробию не было нужды приводить собственный перевод — его помощником стал Вергилий, который превратился в латинского Гомера, а имя последнего в тексте даже не упомянуто.

Ранее в «Сатурналиях» Макробий уже обращался к тому же месту «Энеиды» (Sat. IV, 6, 3). Там цитата присутствовала как один из примеров возбуждения сострадания по принципу «a minore» —

---

²⁸ *Macrobie. Commentaire au Songe de Scipion: 2 t. / introduction, traduction et notes de M. Armisen-Marchetti. T. 1. Paris, 2001. P. 34.*

²⁹ *Iamblichi Theologoumena arithmeticae / ed. V. de Falco. Lipsiae, 1922. P. 26.*

³⁰ Например, в Sat. IV, 6, 5 цит. II. X, 410.

в этой ситуации упоминается некое значительное неблагоприятное событие, но затем показывается, что изображаемое несчастье больше.

Таким образом, Макробий дважды приводит одну и ту же цитату, причем в одном случае он как будто не замечает ее буквального смысла и дает аллегорическое толкование в пифагорейском духе.

Подводя итог, отметим, что Вергилий сделал в *Aen. I, 94* почти невозможное. Соединив наречия *ter* и *quater* при помощи двойного *-que* и использовав архаическую цезуру, поэт сумел придать строке, состоящей из одних поэтических клише, уникальность и узнаваемость, что, в свою очередь, открыло возможности для цитирования и подражания. Мы попытались показать, как на протяжении пяти веков текст Вергилия приводился латинскими авторами в качестве разнообразных *exempla*, становился объектом аллегорического толкования или использовался как объект аллюзии и *aemulatio*.